

Е. С. Фидря, В. С. Смирнов

**СЕТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ЛАТВИИ
И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРИОД с 1993 по 2014 ГОД**

92

Рассматривается структура латвийских политических элит в период 1993 – 2014 гг. Анализируются основные сетевые показатели. Исследуются роли ключевых сетевых акторов и их изменения за данный период.

The authors consider the structure of the Latvian political elite in 1993 – 2014 and analyse the major network parameters. The roles of key network actors and their changes over the study period are examined.

Ключевые слова: сетевой анализ, политические элиты, Латвия.

Key words: network analysis; political elites; Latvia.

Трансформация политических элит Латвии в постсоветский период имела достаточно интенсивный характер, демонстрируя как общие для постсоветских государств тенденции, так и собственные специфические особенности. Вызовы новой политической реальности, запрос на формирование новой политической структуры, соответствующей этим реалиям, привел к неизбежным преобразованиям, формированию особой сетевой конфигурации. В то же время события нового времени также оказывали значительное влияние на реконфигурацию сетей политических элит страны.

Состав и структура политических элит Латвии и других Прибалтийских республик уже становились предметом анализа [8 – 10; 12], однако специфика данной работы заключается в рассмотрении политических элит как сетевой структуры.

Мы предлагаем акцентировать внимание на динамике структурной трансформации политических элит Латвии в период с 1993 по 2014 г. методом сетевого анализа. К политическим элитам мы относим акторов (индивидуальных или групповых), которые благодаря преимуществу своего стратегического положения, занимаемого в крупных организациях, считаются ведущими, способными оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты [13, с. 35]. Политическое влияние актора зависит от его положения в структуре формальной политической иерархии, что обеспечивает нам устойчивый набор позиций для анализа сетевых конфигураций. Принципами анализа служат интерпретация субъектов и их действий с точки зрения взаимозависимости; рассмотрение связи между участниками в качестве каналов

для передачи ресурсов; трактовка политической структуры как определенной модели длительного взаимодействия между субъектами [7]. Роль структурированного и воплощенного в сетях взаимодействия участников политического процесса в конституировании политического влияния акторов хорошо разработана в рамках сетевой парадигмы Д. Ноуком [4].

Следовательно, в качестве членов политической элиты нами рассматриваются те, кто занимает в соответствии с конституционным дизайном страны определенные позиции во властных структурах (Сейм, Правительство, аппарат Президента), а именно президенты, премьер-министры, председатели Сейма, вице-премьеры, вице-спикеры; министры (занимающие свои посты не менее одного года), лидеры основных политических партий (имеющие фракции в парламенте) и депутаты, занимающие места в Сейме не менее двух сроков.

Таким образом, всего в ходе исследования проанализированы данные 353 латвийских политических деятелей, соответствующих указанным критериям, из которых 10 занимали пост Президента или советника Президента Латвии, 146 – имели должности в Правительстве (министры и выше), 184 – депутаты в Сейме, а еще 13 – другие должности (мэров крупных городов и членов Европарламента). Стандартизованная информация, содержащая необходимые биографические данные, взята из справочных разделов официальных сайтов Президента Республики Латвия (<http://www.president.lv>), Кабинета министров Республики Латвия (<http://www.mk.gov.lv>) и Сейма Республики Латвия (<http://www.saeima.lv>). Для получения более полной картины тенденций элитообразования в динамике анализ проведен по каждому из парламентских электоральных циклов с последующим сопоставлением результатов. Объем выборки N в каждом электоральном цикле приведен в таблице 1.

Таблица 1¹

Объем выборки N в каждом электоральном цикле

Цикл	1993–1995	1995–1998	1998–2002	2002–2006	2006–2010	2010–2011	2011–2014
N	45	49	51	53	58	46	51

В данном исследовании сетевой анализ дает возможность реализовать ряд важных исследовательских задач:

1. Определение относительного положения интересующих нас политических субъектов – представителей политической элиты и их групп, а также структуры их связей;
2. Проведение статистического измерения основных параметров самой сети, характеристика степени ее интеграции;

¹ Здесь и далее авторские расчеты, если не указано иное.

3. Количественная характеристика структурного положения и роли в сети самих субъектов, а также оценка динамики структурных параметров политических субъектов в ходе развития политической системы.

1. Индикаторы сетевой структуры

Рассмотрим базовые параметры сетевой структуры: размер сети, сетевая плотность и транзитивность.

Размер сети. Данный показатель выражает наибольшее расстояние между любыми парами вершин в сетевом графе, и, таким образом, равняется максимальному расстоянию между любой парой субъектов в сети². Размер сетей политической элиты в исследуемом периоде составил в большинстве случаев 2 (во втором и четвертом циклах – 3), что означает, что самые длинные цепи включают трех участников (во втором и четвертом циклах – четырех). Не менее интересным представляется процентное распределение более коротких связей, которые содержали только двух или трех участников (табл. 2).

Таблица 2

Индикаторы сетевой дистанции

Цикл	1993—1995	1995—1998	1998—2002	2002—2006	2006—2010	2010—2011	2011—2014
Дистанция = 1, %	70,4 ³	61,7	62,7	58,9	60,7	64,9	61,7
Дистанция = 2, %	29,6	37,6	37,3	40,9	39,3	35,1	38,3
Дистанция = 3, %	—	0,7	—	0,2	—	—	—
Средняя дистанция	1,296	1,389	1,373	1,412	1,393	1,351	1,383

Средняя дистанция сети (среднее расстояние между всеми участниками сети) достигает наименьшего (то есть самого короткого) значения в начальные периоды независимой Латвии (1993—1998 гг.). Затем она увеличивается примерно на 0,1 до периода с 2006 по 2010 г., после которого вновь снижается и достигает довольно короткого значения в 2010—2011 гг., однако роспуск Сейма вновь приводит к увеличению сетевой дистанции.

Сетевая плотность. Данный показатель сетевой структуры характеризует соотношение имеющихся и возможных связей между представителями властных групп. Из таблицы 3 мы видим, что наибольших значений показатели сетевой плотности вновь достигали в первый цикл и в кризисный, «ропускной» период с 2010 по 2011 г.

² Здесь и далее, если не указано иное, для расчета сетевых параметров использовалась программа *UCInet 6.365*.

³ Данный показатель рассчитан путем изменения кратчайших путей между вершинами сетевого графа, построенного для каждого из периодов.

Таблица 3

Плотность сетей

Цикл	1993 – 1995	1995 – 1998	1998 – 2002	2002 – 2006	2006 – 2010	2010 – 2011	2011 – 2014
Плотность	1,014	0,8478	0,8533	0,7787	0,8246	1,0013	0,8502
Компактность	0,852	0,808	0,813	0,794	0,803	0,825	0,809

95

Сетевая компактность. Данный показатель рассчитывается на основе сетевой дистанции и выражает значение нормализованной суммы обратной всех дистанций; максимальное значение – 1 (при абсолютной смежности всех вершин), минимальное – 0 (при абсолютной изолированности всех вершин). Вновь наблюдаем значительную компактность в начальные периоды с 1993 по 1998 г. и посткризисный с 2010 по 2011 г.

Отметим, что в целом основные показатели сетевой структуры – размер, плотность, компактность – указывают на два пика сетевой сплоченности латвийских политических элит. Первый из них приходится на периоды с 1993 по 1998 г., когда политические силы, во многом сформировавшиеся и сплотившиеся в оппозиции к советскому режиму, наконец пришли к власти. После первого периода сплоченности наблюдается тенденция к дезинтеграции сети вплоть до 2006 г., когда небольшой рост сетевой плотности и компактности сменяется резким подъемом сетевой интеграции в 2010–2011 гг. За этим коротким циклом, завершившимся парламентским кризисом и досрочным прекращением полномочий Сейма, вновь последовало снижение параметров сетевой интеграции, остающихся более высокими, чем на протяжении 2000-х гг.

3. Сетевые роли участников сетей политических элит Латвии

Для характеристики индивидуальной значимости тех или иных акторов в политической системе Латвии мы воспользуемся показателями центральности по посредничеству и вычислением посреднических ролей по методу Р. Гоулда и Р. Фернандеза [2]. Данная статистическая техника предполагает распределение участников в соответствии с одной из пяти возможных ролей, которые они могут играть в сетевой структуре, разделенной на подгруппы (в нашем случае в качестве таких подгрупп были выбраны аппарат Президента, Правительство и Сейм):

1. *Координатор (coordinator).* В этом случае все участники принадлежат к одной группе и взаимосвязаны, а участник (b) соединяет участников (a) и (c), членов своей группы.

2. *Привратник (gatekeeper).* Участник (b) связывает двух участников, один из которых (c) принадлежит к его группе, а другой (a) – нет.

3. *Представитель (representative)*. Похожая ситуация, только в этот раз (а) принадлежит к одной группе с посредником (b), а посредник с конечным участником (с) принадлежат к разным группам⁴.

4. *Консультант (consultant)*. В данном случае посредник (b) принадлежит к одной группе, а два других участника, соединенных с ним (а) и (с) – к другой.

5. *Связной (liaison)*. Здесь участник (b) – посредник между двумя участниками (а) и (с), принадлежащими к разным группам. Таким образом, все трое принадлежат к разным группам.

Еще одним важным показателем роли, которую играет актер в сети, является *центральность по посредничеству (betweenness centrality)* – показатель, отражающий количество кратчайших путей между всеми участниками сети, проходящих через данный узел, который позволяет оценить не только количество общих связей узла, но и его значимость для данной сети.

В сети, сформировавшейся в период с 1993 по 1995 г., наивысшими показателями посредничества обладали депутаты Сейма от партии «Латвийский путь», рижане А. Пантелеевс, А. Эндзинс, Э. Инкенс и И. Даудисс (по 19,462), выпускники Латвийского университета. Все представители Сейма в этот период выполняли в сети в основном роли «привратника» («представителя»), связывая между собой депутатов Сейма и представителей двух других структур. Сетевая роль премьер-министра («связной») заключалась в том, чтобы соединять между собой в первую очередь президентский аппарат и Сейм. Сетевая роль президента Г. Ульманиса сводилась к выполнению функций «связного» (рис. 1).

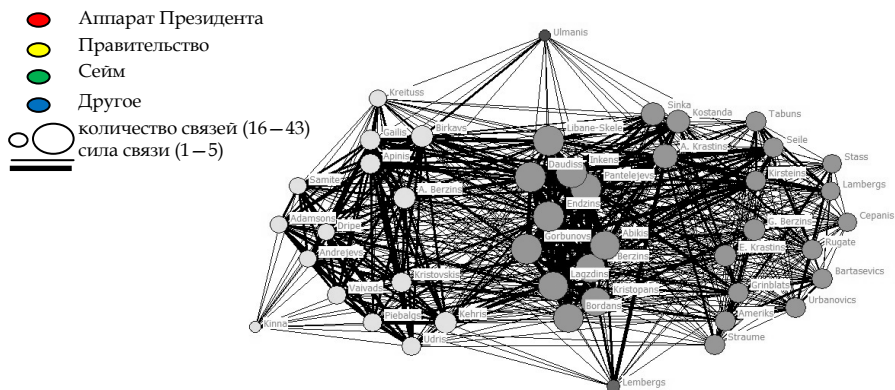

Рис. 1. Сетевое взаимодействие участников политической элиты Латвии в 1993–1995 гг.

Источник: авторские расчеты⁵.

⁴ В нашем случае связи в сетевой структуре не дифференцировались по направлениям, то есть обладатели роли привратника одновременно автоматически являлись обладателями и роли представителя. Таким образом, данные позиции отражали роль представителя политической структуры во взаимоотношениях с одной из других структур.

⁵ Здесь и далее приводятся схемы, построенные при помощи программного модуля визуализации сетевых графов *NetDraw 2.118*. Источник данных – сетевые матрицы, построенные по авторским расчетам.

Во втором периоде наивысшими показателями центральности по посредничеству обладали депутат Сейма от партии «Латвийский путь» А. Пантелеевс (36,801), министр обороны А. Крастиньш (32,757), спикер Сейма А. Чепанис (25,235) и министр финансов Р. Зиле (19,082) — все рижане и выпускники Латвийского университета, за исключением А. Чепаниса. Сетевые роли «сетевых лидеров» оказались разнообразными, обеспечивая личные связи между всеми подструктурами политических элит. Премьер-министры Г. Крастс и А. Шкеле в основном выполняли роль «привратника», однако в сетевые функции Г. Крастса входило также активное выполнение роли «связного» (рис. 2).

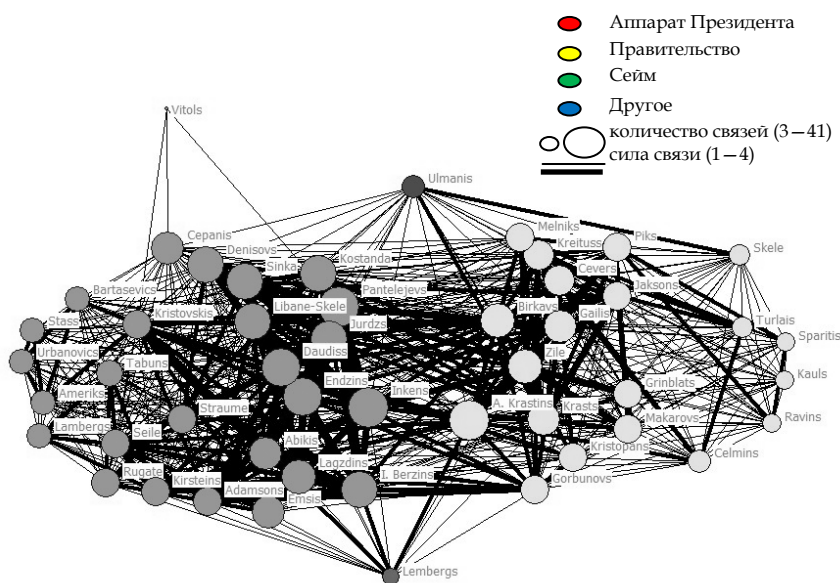

Рис. 2. Сетевое взаимодействие участников политической элиты Латвии в 1995–1998 гг.

В третий период (1998–2002) показатели центральности по посредничеству большинства участников сетей стали несколько ровнее. Наивысшими показателями отличались исполнявшие сетевые роли «координаторов» депутаты Сейма от «Народной партии» Д. Абикис (30,947) и А. Ругате (27,891), от «Партии национального согласия» — Б. Цилевич (20,127), от «Латвийского пути» — сильные «связные» А. Пантелеевс (19,290), Э. Инкенс (16,426) и Я. Лагдзиньш (16,958) от «Народной партии». Примечательно, что все они учились в Латвийском университете.

Главной сетевой ролью Президентов (Г. Улманиса и В. Вике-Фрейберги) по-прежнему является «связной». Премьер-министр А. Шкеле занимал в сети не только традиционную позицию «привратника», но также «консультанта» и «связного». Спикер Сейма Я. Страуме сочетал сетевые роли «привратника», «связного» и «координатора» (рис. 3).

- Аппарат Президента
- Правительство
- Сейм
- Другое

○ количество связей (19–42)
 ||||| сила связи (1–5)

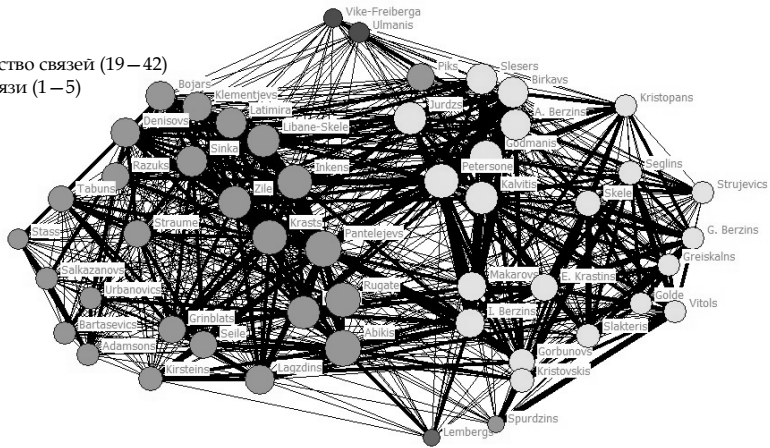

Рис. 3. Сетевое взаимодействие участников политической элиты Латвии в 1998–2002 гг.

В электоральном цикле 2002–2006 гг. с наименее компактной и плотной сетевой структурой на первые сетевые роли вышли выпускники Латвийского университета, спикер Сейма И. Латимира (34,374), член «Народной партии» Я. Лагдзиньш (31,675), депутаты партии «Отечеству и свободе» министр транспорта Р. Зиле (27,736) и депутат Сейма Г. Крастс (27,329).

Почти все упомянутые члены кабинета министров занимали не только позицию «привратника», но и играли роль «связного» между представителями других подструктур. Представители Сейма в основном играли роли и «привратника», и «связного» (рис. 4).

- Аппарат Президента
- Правительство
- Сейм
- Другое

○ количество связей (7–42)
 ||||| сила связи (1–4)

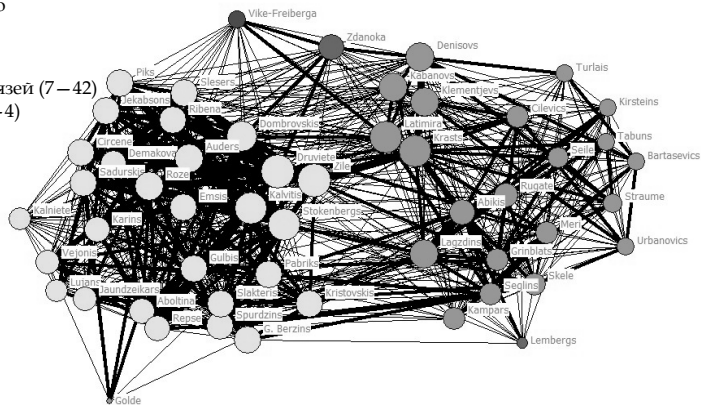

Рис. 4. Сетевое взаимодействие участников политической элиты Латвии в 2002–2006 гг.

Пятый цикл (2006—2010 гг.) показал лишь немногим более высокие показатели сетевой плотности и компактности, чем предыдущий, а показатели центральности по посредничеству также отличались незначительно.

В первую очередь нужно выделить премьер-министра И. Годманиса (34,625), состоящего в партии «Латвийский путь»/«Первая латвийская партия». Вместе с ним в ней состоит и министр транспорта А. Шлесерс (25,734), оба занимают положение «привратника» и «связного». Высокими показателями отличаются также министры культуры К. Петерсоне и образования и науки Т. Коке (по 30,149).

Все представители и кабинета министров, и Сейма занимали значительное положение в качестве «связных» и «привратников» (рис. 5).

99

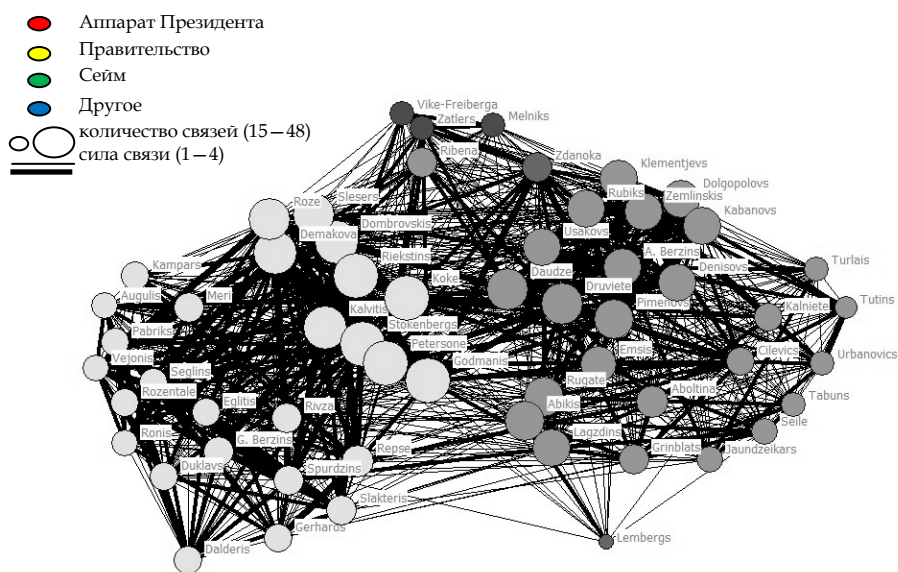

Рис. 5. Сетевое взаимодействие участников политической элиты Латвии в 2006—2010 гг.

Короткий период с 2010 по 2011 г., как мы уже отмечали, сформировал сеть с наивысшими показателями плотности и компактности. Вместе с тем, хотя в сети почти не осталось участников с нулевым уровнем посредничества, группа лидеров выявилась в этот период как никогда ярко.

В основном это члены блока «Единство» и «Союза зеленых и крестьян»: депутат Сейма Г. Даудзе (30,572), будущий Президент Латвии А. Берзиньш (27,698), министр культуры С. Элерте (27,222), премьер-министр Латвии В. Домбровскис (25,679), спикер Сейма С. Аболгитня (25,295), министр юстиции А. Штокенбергс (24,558), депутат Сейма А. Лоскутовс (23,485) и министр образования и науки Р. Брокс (21,792). Инте-

ресно, что члены кабинета министров выполняли в сети множество ролей: и «привратника», и «консультанта», и «связного», в то время как для депутатов центральной ролью становился «связной».

Отметим также, что и визуально сеть в этот период состояла не из двух ядер, как обычно, а из одного, которое составили депутаты Сейма, и к которому тяготели мэр Риги Н. Ушаков и депутат Европарламента Т. Жданок (рис. 6).

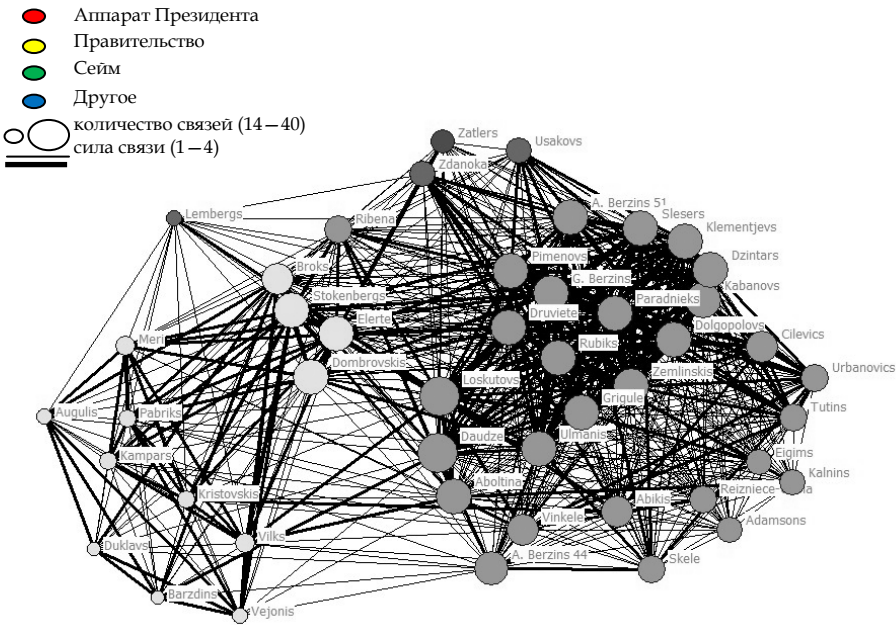

Рис. 6. Сетевое взаимодействие участников политической элиты Латвии в 2010–2011 гг.

Наконец, в последнем на сегодня периоде сетевая структура обладала невысокой плотностью и компактностью. Явных посредников-лидеров в ней двое, однако их показатели ниже, чем в предыдущих циклах, и в целом показатели посредничества в данном цикле несколько ровнее.

Наивысшими показателями центральности в данной сети обладают министр культуры И. Друвиете (28,284) и спикер Сейма С. Аболтиня (26,761). Также высокими показателями центральности обладают депутат Сейма от «Единства» А. Лоскутовс (20,363), министр транспорта А. Матисс (18,926), министр благосостояния У. Аугулис (17,252), член Европарламента Т. Жданок (16,731), министр здравоохранения И. Цирцене (15,483), экс-министр образования и науки Р. Килис (15,391). Все они в своих подструктурах выполняют роли «привратников» и «связных», однако А. Матисс еще и занимает положение «консультанта» (рис. 7).

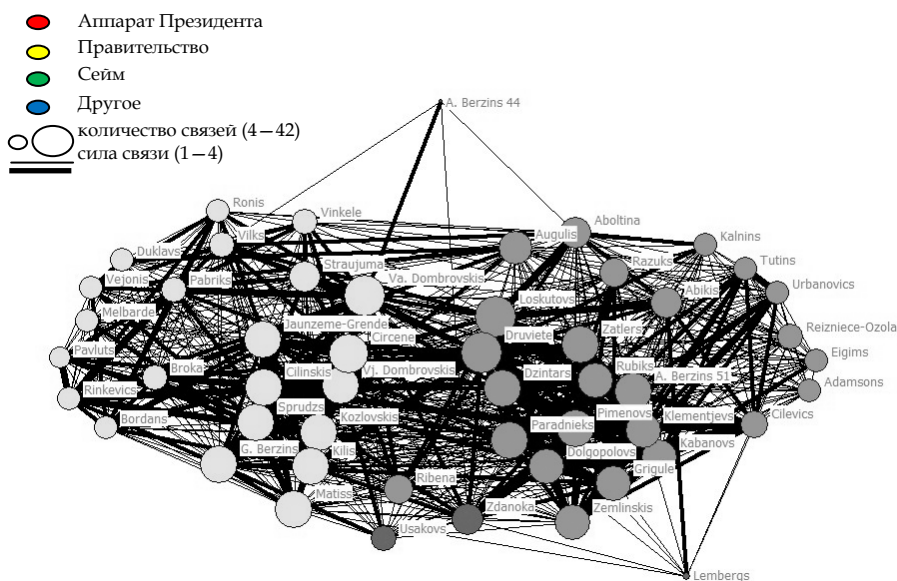

Рис. 7. Сетевое взаимодействие участников политической элиты Латвии в 2011 – 2015 гг.

4. Выводы

В целом структура сетей политических элит Латвии отличается заметным своеобразием структурных трансформаций, но в то же время в некоторых аспектах повторяет общие черты для других бывших советских государств и республик. За прошедшие циклы менялись и характеристики сетей, и территориальный, и профессиональный состав политических элит. Менялись и роли, которые выполняли политики в сети.

Динамика основных характеристик сетей политических элит Латвии графически наиболее соответствует перевернутой параболе: сразу после распада Советского Союза сети — сплоченные, выстроенные в оппозиции к советской системе — отличались высокой плотностью, компактностью, связанностью и транзитивностью, многие участники сетевой структуры имели устойчивые связи между собой. Данный период сплоченности сменила тенденция к дезинтеграции сети, и лишь в 2010–2011 гг. произошел резкий подъем сетевой интеграции (в первую очередь на основе мощного ядра, сформировавшегося в Сейме). В 2011 г. президент Латвии инициировал роспуск Сейма, за которым вновь последовало снижение параметров сетевой интеграции, остающихся, тем не менее, достаточно высокими.

В первых циклах исследуемого периода наивысшими показателями центральности по посредничеству (отражающей значимость и количество связей участника сети) обладали депутаты Сейма, но с 2002 по 2010 г. центральные роли стали играть члены кабинета министров. С 2010 г. ключевым фактором, определяющим высокие показатели центральности, становится партийная принадлежность.

Сетевые роли участников латвийских политических элит продемонстрировали за исследуемый период неравномерную динамику. Например, сетевая роль Президента во все исследуемые циклы заключалась в выполнении функции «связного» между представителями правительства и Сейма, практически независимо от того, кто занимал этот пост в разное время.

Сетевые роли членов правительства и депутатов Сейма в основном сводились к двум ролям: «привратника» и «связного», что позволяло им связывать как членов своей подструктуры с прочими структурами, так и представителей различных подструктур между собой. Вместе с тем иногда ключевые центральные фигуры-посредники выполняли и ряд других ролей: «консультанта» (связывая между собой представителей одной, но не своей подструктуры) и «координатора» (обеспечивая связи внутри своей подструктуры).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-03-00415а «Формирование парламентской элиты стран Балтии после 1990 г.: ключевые факторы и акторы».

Список литературы

1. Dogan M., Higley J. Elites, Crises, and the Origins of Regimes. Rowman and Littlefield Publishers, Boulder CO, 1998.
2. Gould R. V., Fernandez R. M. Structures of Mediation: A Formal Approach to Brokerage in Transaction Networks // Sociological Methodology. 1989. № 19. P. 89–126.
3. Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Boulder, 2006.
4. Knoke D. Political Networks: the Structural Perspective. Cambridge University Press, 1990.
5. Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven ; L., 1994.
6. *The New Democracies in Eastern Europe: Party Systems and Political Cleavages.* Aldershot, 1994.
7. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Method and Application. Cambridge University Press, 1994.
8. Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. №3 (9). С. 149–161.
9. Смирнов В. А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980–1990-х годов: роль «политиков морали» // Балтийский регион. 2011. №4. С. 18–31.
10. Смирнов В. А. Рекрутирование политических элит в Прибалтике: роль этнического фактора // Балтийский регион. 2013. №4 (18). С. 146–159.
11. Фидря Е. С. Трансформация сетей политических элит Республики Польша в период 1993–2013 гг. // Власть. 2013. №9. С. 64–68.
12. Фидря Е. С., Смирнов В. А. Трансформация сетей политических элит Литовской республики в постсоветский период (1992–2012 гг.) // ПолитЭКС. 2012. №3. С. 76–98.
13. Хигли Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М., 2011.

Об авторах

Ефим Сергеевич Фидря — канд. социол. наук, директор Социально-гуманитарного парка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

Вадим Анатольевич Смирнов — канд. полит. наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

About the authors

Dr Efim Fidrya, Socio-humanities park, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

Dr Vadim Smirnov, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru